

Александр Прокудин

12+

СОКРОВИЩА АННЫ МОРЕДО

андалузский детектив

Александр Прокудин
Сокровища Анны Моредо

«Автор»

2020

Прокудин А.

Сокровища Анны Моредо / А. Прокудин — «Автор», 2020

В тихом андалузском городке с громким названием Санта-Моника происходит грандиозное (для его масштабов) событие. В доме слепой старухи Анны Моредо находят клад невероятной стоимости. Можно подумать, хотя бы под конец жизни ей улыбнулась удача? Но нет. На найденные сокровища один за одним начинают появляться претенденты. А затем — один за одним начинают умирать. Кто стоит за этими смертями? И откуда вообще в доме Анны клад? История, тянущаяся со времен гражданской войны в Испании, заканчивается только в наши дни — благодаря усилиям доблестного начальника полиции Санта-Моники, комиссара Эстебана Линареса.

© Прокудин А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ «КЛАД»	5
Глава 1. Два события	5
Глава 2. Гость с претензиями	8
Глава 3. Сильвио Саласар	11
Глава 4. Мэрия Санта-Моники, ее хозяйева и гости	17
Глава 5. Американские родственники	20
Глава 6. Агнешка и Родригес	24
Глава 7. Собрание претендентов	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Александр Прокудин

Сокровища Анны Моредо

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ «КЛАД»

Глава 1. Два события

Случись подобное в столице, или хотя бы в Севилье, об этом пошумели бы с неделю и благополучно забыли. Но для такого небольшого городка, как Санта-Моника (только не путайте с его знаменитым калифорнийским тезкой!), любое событие, неожиданное восхода, заката и полуденной жары было значительным.

Образ жизни этого маленького (чуть более двадцати тысяч жителей) андалузского городка напоминал томящуюся на медленном огне паэлью. Временами то там, то тут взбулькивали мелкие проявления страстей, свойственных любым жителям любых городов, но в целом жизнь протекала неторопливо и предсказуемо – словно спустившаяся до предгорий речка.

И тут сразу два таких события!

Во-первых, едва не погибла сеньора Анна Моредо. А, во-вторых, в ее доме были найдены сокровища. Настоящие! Клад ценой в несколько десятков миллионов евро.

Можно было бы отметить, что донью Анну в Санта-Монике знали все, но в Санта-Монике все знали друг друга и без подобного уточнения. Сеньора Моредо при этом была всё же больше, чем просто горожанкой. Точно так же, как городская площадь, недавно почти до конца, отреставрированная ратуша или фонтан возле торгового центра, она являлась полноценной городской достопримечательностью. Соответственно, как к достопримечательности к ней и относились – почитали, берегли и с гордостью показывали приезжим.

Лишь в случае совсем уж непереносимой непогоды Анна не выходила из своего дома с самого утра и не занимала свое обычное место – возле пробегающей мимо дороги, ведущей из города (или в город – по этому поводу постоянно возникали споры). Ее всегда можно было застать тут, с достоинством восседающей на ветхом, скрипящем, даже под ее небольшим весом, трехномом стуле с выцветшим полосатым сидением. С обязательной бутылкой разбавленного водой вина – на случай жажды, вместе с небольшим стеклянным стаканчиком, поставленной рядом, в тени высокого рожкового дерева.

Донья Анна сидела на этом месте всегда – внимательно слушая жизнь, проносющую мимо. Слушая, поскольку видеть ее она никак не могла. Старуха была слепа на оба глаза – как футбольный арбитр в матчах твоей любимой проигрывающей команды. Но при этом – необычайно мудра и доброжелательна. Так о ней говорили все.

Множество горожан советовались с ней, специально приходя к ее дому: как им поступить в той или иной ситуации? И никому Анна не отказывала – это было ее правило. Все ли поступали в соответствие с полученными от слепой советами, неизвестно. Но из того, что доподлинно знал весь город, прогнать свою распутную жену дантисту, например, посоветовала именно она. Как и вложить средства в грузовые перевозки, разбогатевшему, благодаря этому, в мгновение ока будущему мэру. Как и многое другое.

В общем, новость о том, что донья Анна едва не погибла, повергла город в искренний шок.

«Паэлья» забурилась, закипела негодованием, устремляя в небо густой пар проклятий – виновнику едва не случившегося несчастья, и одновременные вздохи облегчения – что все, слава богу, обошлось так счастливо!

А приключилось с доньей Анной вот что.

Один из туристов, которые в Санта-Монике бывают лишь проездом, отправился в горы – встречать поднимающееся из-за них летнее, июльское солнце. Несмотря на то, что солнце едва появилось из-за Муласен, высочайшей горы Кордильера-Беттики, оно успело напечь романтическому придурку голову. Сомлев за рулем (наверняка не обошлось без пары ночных бокальчиков темпранильи), на обратном пути он на полной скорости съехал с дороги.

По счастливой случайности автомобиль лишь задел уже восседавшую на своем месте Анну, отшвырнув ее в сторону вместе с полосатым трехногим стулом. Машина врезалась в дом Моредо, снеся полстены некогда пристроенного к нему дополнительного крыла.

Пожар, возникший следом, благодаря помощи соседей, удалось быстро потушить. Турист, к его пьяному счастью, погиб на месте, избежав упреков до свирепой ярости возмущенных горожан.

Донья Анна пострадала не сильно: вывихнутое плечо, несколько ссадин, да раздавленный автомобильными колесами мобильный телефон. Уже через пару дней она чувствовала себя, по ее словам, «превосходно!». Возможно, в значительной степени благодаря второй новости, которой не могло бы случиться без первой.

В разрушенной аварией стене нашли клад огромной стоимости.

Происшествие швырнуло под «паэлью» дополнительную охапку дров, и страсти с удовольствием закипели еще сильнее!

Клад обнаружили на второй день, когда присланные мэрией рабочие принялись разбирать образовавшийся после тушения завал. В стене дома одним из них был найден ящик из-под патронов, военного времени, обернутый в промасленную бумагу. Внутри же оказались вовсе не боеприпасы, а неслыханное состояние. Золотые и серебряные украшения с жемчугом и драгоценными камнями. Кольца, перстни и цепочки искуснейшей работы. Три причудливых ювелирных колъе и несколько ручных браслетов, инкрустированных бриллиантами, крупными изумрудами, сапфирами, топазами и хризолитом.

Находку тут же доставили в мэрию, вызвав для этого полицию: в лице еще одной известной всей Санта-Монике личности – сеньора комиссара Эстебана Линареса.

Весть о сокровище, впрочем, облетела весь город еще до того, как комиссар вошел в кабинет мэра в сопровождении молодого полицейского, благоговейно несшего на вытянутых перед собой руках найденный ящик из-под патронов. Возможно, не знала к тому моменту о кладе лишь одна донья Анна – безмятежно спавшая после уколов обезболивающего и снотворного в больничной койке единственного на всю Санта-Монику и ее окрестности госпиталя.

По поручению мэра, в присутствии комиссара Линареса, была составлена опись найденных сокровищ и сделаны фотоснимки каждого из предметов. А после, также при почетном полицейском конвое, клад был перемещен в центральный банк Санта-Моники. Где его принял и определил на хранение лично глава банка – сеньор Диего Веласкес – так же, как все прочие, хорошо знавший и любивший донью Анну.

Кто именно поместил в стену ее дома клад, Анне было понятно сразу. Когда-то ее отец, Антонио Моредо, лично пристраивал к дому дополнительное крыло, своими руками укладывая в его стены каждый камень. Никто, кроме него самого, не смог бы спрятать там этот ящик. Но откуда он взял эти сокровища? – вот что являлось загадкой. Ящик из-под патронов говорил о том, что как-то это могло быть связано со службой ее отца в армии. С которой он вернулся на одной ноге – вторая, после полученного в России ранения, осталась в немецком полевом госпитале.

Но почему Антонио не пустил все эти богатства на благо семьи? Они могли бы жить как герцогиня Альба, но вместо этого боролись за выживание, как большинство остальных семей Испании, пытавшихся встать на ноги в трудное послевоенное время.

Но Антонио Моредо умер в далеком 1961 году и ничего рассказать уже не мог. А спросить о событиях того времени в Санта-Монике сегодня, в 2015, кого-то другого было почти невозможно. Разве что саму Анну. Но она лишь пожимала плечами и с растерянной улыбкой отвечала в привычном ей доброжелательном тоне: «Чего не знаю, того не знаю, мои милые!».

Ей верили.

Естественно, на несколько дней сеньора Моредо превратилась в настоящую звезду прессы. Верная правилу никому не отказывать в беседе, она раздала около десятка интервью одним только приезжим журналистам. Не говоря о доброй половине жителей города, лично пожелавших поздравить Анну с выздоровлением и свалившимся на голову благополучием. Ну и, заодно, удовлетворить зудящее любопытство. В основном всех интересовало, как она собирается поступить с деньгами. По предварительной банковской оценке, речь могла идти о 25-30 миллионах!

– Поздновато меня заметила дева Мария, да? – смеялась в ответ Анна и отшучивалась. – Может, отдам ей обратно. Отец Паскуале, – так звали местного священника, – вряд ли будет против. Ну или замену этот чертов стул на массажное кресло. С тех пор, как меня заставили проделать в воздухе сальто, поясница побаливает зверски.

Наконец шумиха в прессе улеглась. В центральной через пару дней, в местной, андалузской, через пару недель. В самой Санта-Монике – через месяц, уступив место другим, более свежим и волнующим горожан событиям. Например, кто-то повадился травить собак! Уличных и домашних – мерзавца мечтал поймать весь город. Не на шутку встревожила горожан и новость о прокладке скоростной трассы на Сьерра-Неваду, что грозило увести последних туристов. Происшествий, которые можно обсудить в режиме «медленного кипения» в Санта-Монике хватало всегда.

Примерно в этот момент в городе и появился человек, пожелавший убить сеньору Моредо еще раз.

Глава 2. Гость с претензиями

Обычно Анна Моредо издалека слышала тех, кто приходил к ней поговорить. Но сегодня, то ли давление слишком шумело в ушах, то ли вина она сделала лишний глоток, но, что кто-то незаметно подошел и уже некоторое время стоит рядом с ней, она поняла с опозданием.

Вел себя гость при этом тихо, не произнося ни слова.

«Неместный, – подумала слепая, – а то бы давно поздоровался».

Общительная старуха начала разговор первой:

– Уже видели фонтан у торгового центра? Говорят, после реставрации он стал еще красивее. Садитесь только на скамеечки у восточной стороны. Там и тень от платанов, и ветерок доносит брызги. Сегодня тоже жарковато, не находите?

Невидимый гость разговора о погоде не поддержал. Одновременно Анна почувствовала, что он подошел еще ближе.

– Не понимаете по-испански? – добродушно предположила слепая. – Бывает.

Но тут гость заговорил. Оказалось, что с испанским у него все в порядке. Разве что сам его голос был странно низок и неестественно хрипловат.

– Так это вы и есть? Та самая сеньора Моредо, которой недавно повезло дважды? – услышала Анна.

– Так и есть, сеньор, так и есть, – ответила она. – А кто вы? Откуда приехали?

– Для вас, сеньора, – непонятно ответил гость, – считайте, что из самой преисподней.

– Вот как? В Сеуте до сих пор кто-то живет? – пошутила старуха, упомянув пользующийся дурной славой регион.

Гость сухо рассмеялся. Но то, что он позволил себе сказать сразу после этого, на шутку не походило вовсе.

– Хотите знать, кто я? – произнес он. – На здоровье. Я тот, сеньора, кто сожалеет, что машина лишь слегка задела вас, а не размазала по асфальту, словно гусеницу, автомобильной покрывкой.

На несколько секунд воцарилась тишина.

– Вот как? – Анна опешила, но присутствия духа не потеряла. Ее оскорбляли редко, тем более, так неожиданно и открыто, но неженкой она не была. Лукас Окампо, например, пришедший как-то поливать ее грязью за то, что по совету Анны его невеста предпочла ему другую партию, получил достойнейший отпор. – Что же... Не знаю, чем я вам насолила, оставшись в живых, но вижу, вы говорите искренне!

– Вижу... Ага... – невидимого собеседника рассмешили эти слова.

Но и тут Анна Моредо не дрогнула.

– Это фигура речи, болван. Которой я не стесняюсь, несмотря на то что не вижу ничего, не считая кромешной темноты, уже пятьдесят с лишним лет, – с достоинством сказала она. – При этом, будь уверен, я точно знаю, как сейчас выглядишь ты сам. Рассказать?

– Сделайте одолжение.

– Ну, слушай, – Анна коротко прокашлялась и заговорила. – Твое лицо скривилось от злости и стало уродливей сливы, пораженной серой гнилью. До мерзости безобразным! Твои глаза, которыми ты так гордишься рядом со слепой старухой, превратились в узкую змеиную щель. Губа вздернулась, как у зверя, чующего кровь и думающего, что он загнал добычу в угол. Твой смех... Ничего человеческого в нем нет. Ты скалишься как животное. По простой причине: ты и есть на самом деле шакал, непонятно зачем обучившийся человеческой речи! С истекающим зловонным ядом черным сердцем и липкою вонючей жижей, заменяющей тебе душу. Разложившуюся под твоей облезлой шкурой до состояния протухшей вечность назад гнилой овечьей кишки!

– Неплохо, сеньора, – прокомментировал гость. – Действительно, смотрюсь, как в зеркало.

– Лучшее, что ты можешь сделать для рода человеческого – бесследно сгинуть, ущербный сукин сын, – продолжила Анна, – чей рот полон канавной грязи, а желудок птичьего дерьма. И пусть до конца твоих жалких дней это будет самое сладкое из того, что тебе предложит судьба! Сколько бы времени своей убогой жизни ты не провел, побираясь по деревенским помойкам, вылизывая загаженные мусорные баки!

Закончив, Анна услышала нечто похожее на аплодисменты одинокого зрителя. Судя по всему, грубиян был впечатлен.

– Bravo, сеньора! – снова раздался его хриплый голос, и в нем прозвучали нотки уважения. – Я восхищен! То, что о вас говорят, видимо, правда. Вы видите... ха-ха, да... Вы видите суть вещей!

Донья Анна выслушала похвалу с непроницаемым лицом. Она и так всегда была уверена в том, что говорила, не нуждаясь в комплиментах и поощрениях. И уж тем более от таких собеседников.

– Я действительно больше зверь, чем человек, – продолжил тем временем хриплый голос. – Вы угадали. Но это не мой выбор, сеньора! Таким меня сделали люди. Те самые, в принадлежности к которым вы мне отказываете.

– Мне нет дела до того... – начала отвечать старуха, но почувствовала на своей шее грубые, сильные пальцы. Незнакомец одной рукой схватил Анну за горло, а другой сжал оба ее запястья, лишив ее возможности сопротивляться.

– Дослушайте, сеньора, я прошу, – прохрипел он ей прямо в лицо (заодно она почувствовала густой запах спиртного). – Поверьте! У меня есть причины быть зверем. Свирепым и не знающим жалости. И я все также продолжаю желать вам смерти. И заглядывая внутрь себя прямо сейчас, я понимаю: это сильнее всех других моих чувств и желаний, так или иначе, с вами связанных.

Донья Анна, безусловно, сильнейшим образом испугалась, но показывать этого не собиралась.

– Я повторяю тебе! Убирайся к черту, ненормальный сукин сын! – насколько могла твердо ответила она мерзавцу. – Пока я не позвонила Эстебану Линаресу! Или еще кому-нибудь, кто не оставит от тебя мокрого места! Подонок, чью мать за версту обходят шлюхи, чтобы не подцепить дурных манер и неизлечимых болезней. В результате которых и появился на свет ты – уродливая помесь дизентерийного дерьма, родовой рвоты и червивого сыра...

По всей видимости, она попала в большое место – незнакомец, закрыв рот Анны ладонью, в бешенстве заскрипел зубами:

– Ни слова про мою мать! Ни слова! Иначе...

Он тяжело и глубоко задышал, по всей видимости, пытаясь успокоиться.

Наконец незнакомец медленно отпустил запястья Анны и отнял ладонь от ее рта. Моредо поняла, что перегибать палку не стоит, иначе дело действительно может закончиться плохо. Она молчала и ждала, что будет дальше.

Он успокоился и продолжил:

– Я прочитал все твои интервью газетам, старуха. Какое наглое бесстыдство! Тебе достались чужие богатства, и ты самонадеянно строишь планы, как ими распорядиться? Ты под стать своему отцу.

– Кому? Отцу? При чем тут он? – Анна удивилась.

– При чем? – с усмешкой, в которую вернулись и злость, и горечь, переспросил голос. – На нем кровь, которую никогда не смыть. И на тебе она тоже, знай! И, я клянусь, она не останется неотомщенной. Придет время, и ты заплатишь мне за все.

– Я не понимаю, о чем вы говорите! Сеньор? Что вы собираетесь делать? Причем тут мой отец? Объясните? Эй! Ненормальный...

Но это было последним, что услышала старуха от гостя. Напрасно она прислушивалась к окружающим ее темноту звукам. Странный незнакомец пропал так же неожиданно, как появился.

Глава 3. Сильвио Саласар

Анна попробовала нашарить рукой мобильный телефон – после выхода из больницы ей подарили новый, самой последней модели, от всего города. «Надо позвонить Линаресу, – думала она. – Конечно, скорей всего это просто какой-то напившийся ненормальный, начитавшийся газетных статей о кладе и аварии. Но кто знает, насколько сильно на такой жаре он двинулся рассудком...».

Телефон, к своему удивлению, Анна найти не смогла. Спустя минут двадцать на помощь к ней пришла соседка Луиза, как раз вернувшаяся с работы. Охая, она выслушала рассказ о странном недоброжелателе, и сама позвонила в участок, чтобы Эстебан Линарес, как только сможет, приехал и узнал о том, что тут случилось, лично.

Ждать комиссара пришлось довольно долго – часа четыре, включившие в себя всю сию минуту.

Прибывший, наконец, на место происшествия Линарес внимательно выслушал Анну и отнесся к ее истории весьма серьезно.

– Это прямые угрозы, – сделал он вывод. – Мы найдем этого мерзавца, кто бы он ни был. Подонок! Надеюсь, он ограничится украденным телефоном и гадостями, которые наговорил. Но то, что он ответит за это, донья Анна, – я вам обещаю!

Эстебан Линарес возглавлял комиссариат национальной, дорожной и гражданской полиции региона уже более десятка лет и, по общему мнению, справлялся со своими обязанностями успешно. Хотя какие в городке, подобном Санта-Монике, могут быть проблемы? В основном, заблудившиеся в горах туристы, мелкое пьяное хулиганство, да обеспечение порядка на дорогах. Для решения любого вопроса хватало сил единственного участка – шестерых полицейских под началом сержанта по имени Серхио Бунимара. Для случаев, выходящих из ряда вон, вызывались дополнительные силы из Севильи, но делать этого комиссар не любил, предпочитая во всем, что происходит в его родном городе, разбираться самостоятельно.

С чего начать поиск злодея комиссар пока не представлял. Туристов в Санта-Монике в данный момент находилось не менее полусотни, и найти среди них именно того, кто угрожал Анне Моредо, было не так-то просто. К тому же снова проявил себя травивший собак душегуб. По какой-то причине теперь этот мерзавец переключился на птиц и рыб. Полтора десятка скворцов и соек отдали богу свои маленькие птичьи души на окраине города. А также в одном из окружающих город прудов подозрительным образом передохла вся форель. Мэр требовал немедленных действий – жители Санта-Моники обожали животных, и подобные преступления вызвали у них самое настоящее негодование.

Те, кто знал главу полиции хорошо, ясно бы увидели, что он в затруднении. Хоть и нет ничего банальнее комиссара, пытающегося бросить курить, но в случае с Линаресом дело обстояло именно так. Курил он с малолетства, будучи в свое время одним из наименее послушных шалопаев Санта-Моники. Затем закрепил эту дурную привычку в армии, где смолил каждый, да и последующая служба в полиции, с изматывающими ночными дежурствами, не способствовала избавлению от нее. Только возраст и накопленная вместе с ним мудрость, диктующая избавляться от всего, что не можешь контролировать, заставила комиссара отказаться от никотина. И это было очень нелегко. Трубку он продолжал носить с собой, и как раз по ней-то и можно было делать верные предположения о его душевном равновесии. Если Линарес нервничал, рука его не покидала карман пиджака, стискивая там успокаивающую знакомыми контурами трубку. Если же он был близок к отчаянию (по работе почти никогда, другое дело дома – во время домашних скандалов, которые бывают у каждого) табачная трубка, пусть и не зажженная, занимала свое некогда обычное место – между прокуренными комиссарскими зубами.

Пока комиссар, тиская в кармане табачный амулет, думал, как подступиться к делу Моредо, судьба неожиданно облегчила ему выбор. Позвонил мэр Санта-Моники – Эмилио Мануэль Хорхе Ортега. Оба – и комиссар, и глава города – были знакомы друг другу с раннего детства. Как и многие в Санта-Монике, они общались по-дружески, без церемоний.

– Эстебан... дружище... срочно... ..ое участие! – булькая некачественной связью, попросил мэра. – Мне... заниматься самому... время... с... инвесторами! Пожалуйста... .. зжай!

– Конечно, – ответил Линарес, обрадованный уже тем, что звонок не связан с отравлениями. – А что случилось, Эмилио?

Слава богу, связь на время стала нормальной:

– Появился человек, заявляющий, что имеет права на клад в доме Моредо!

– Вот как! – комиссар даже присвистнул. – И что же он? Давно в городе?

– Говорит... – трубка снова захрюкала так, что не было возможности разобрать ни слова.

– Что с твоим телефоном? Ладно, не отвечай, – глаза Эстебана Линареса зажглись охотничьим блеском. – Не отпускай его никуда, ни в коем случае! Сейчас я буду.

Комиссар завершил звонок, нажав на «отбой».

– И оставляю от него мокрое место! – добавил он, сжав в воздухе кулак. – Как от гусеницы раздавленной автомобильной шиной. Так он сказал, донья Анна? Ну, пусть поможет ему дева Мария!

Спустя то небольшое время, которое необходимо, чтобы на максимальной разрешенной законом скорости добраться от дома Моредо до мэрии Санта-Моники, в кабинете Эмилио Ортеги разыгралась следующая сцена.

– Идите вы к черту, комиссар! – повышенным, но при этом растянутым и ленивым тоном отпустил в адрес Линареса реплику некий чрезвычайно уверенный в себе сеньор. Примерно шестидесятилетнего, или чуть больше, возраста, с чрезвычайно нездоровым цветом лица. Одет он был в легкий светло-бежевый костюм со старомодной широкополой шляпой, в тон.

Гость вальяжно развалился в кресле для посетителей и мелкими глотками пил из высокого стеклянного стакана воду.

– Никуда я не поеду. С какой еще стати!

Сеньор в бежевом представился, как Сильвио Саласар. Из вещей при нем был только потертый по углам рыжий кожаный портфель. Приехал Сильвио, по его словам, из Мадрида – утренним автобусом и, в ожидании, когда будет не слишком рано беспокоить мэра, прикорнул на лавочке в одном из затененных городских сквериков. А затем напрямик отправился в мэрию – заявить о своем праве на сокровища.

Эстебан Линарес, в чьей душе все еще кипело возмущение, вызванное нападением на донью Анну, верить на слово бесцеремонному хлыщу не собирался.

– Ну вы же отрицаете, что говорили с Анной Моредо? – настаивал комиссар. – Так, давайте, проверим это на месте, в ее присутствии? Чего вы боитесь, раз это были не вы?

– Уверяю вас, ничего! Ваша сумасшедшая старуха может утверждать что угодно, – Саласар допил воду и поставил стакан рядом с графином. – Видимо ей напекло голову у дороги, возле которой она просидела весь день! С какой стати это значит, что теперь, по щелчку ваших пальцев, я должен...

– Откуда вы знаете, что она сидит у дороги? – попробовал зацепиться комиссар. – Это были вы! Вам просто стыдно признаться в таком наиподлейшем поступке...

– О боже! И это ваш комиссар? – гость закатил глаза и вместе с креслом развернулся в сторону мэра. – Seriously?

Ортега, сидящий за своим рабочим столом и почти не участвующий в разговоре, отреагировал пожатыми плечами: мол, что ж тут поделаешь?

Словно капризная театральная дива Сильвио издал страдальческий вздох и цокнул языком. После чего «с невероятным усилием» поднял с пола свой портфель и уложил его плашмя на колени. Щелкнув хромированным замком, Саласар вынул из портфеля папку – с как попало уложенными в нее газетными вырезками, наклеенными на листы бумаги.

– Нате, смотрите! – протянул он папку Линаресу. – Это статьи журналистов, больше десятка. Там все о вашей Анне, заграбаставшей мой клад. И о том, как она проводит все свои дни, там тоже есть. И о деталях аварии. А также там фотографии драгоценностей – которые меня к вам и привели. Я уже рассказывал.

– Расскажите, пожалуйста, еще раз, – попросил мэра Ортега, – для сеньора комиссара, сеньор Саласар.

Гость шлепнул портфель на стол и достал из внутреннего кармана пиджака несколько черно-белых фотографий. Довольно старых, пожелтевших, с загнутыми и оторванными уголками.

Обращаясь будто к пятилетнему ребенку, одно фото гость сунул комиссару прямо под нос.

– Вот колье моей бабки, – произнес он медленно, с расстановкой, – по линии матери. Точно такое же находится среди украшений, найденных в доме вашей чертовой Моредо.

На снимке была женщина лет пятидесяти, в длинном вечернем платье, какие были в моде в довоенные времена. На ее груди висело нечто, похожее на колье.

Гость взял свою папку, порылся и нашел в ней вырезку со статьей, содержащей фото сокровищ. Поставив ее рядом со снимком своей родственницы, он ядовито осведомился:

– Ну, видите? Или вам нужно проконсультироваться с телескопом Хаббл?

Линарес промолчал.

На самом деле, категорически утверждать что-либо было трудно. Колье на снимке с женщиной действительно напоминало одно из тех, что были обнаружены в патронном ящике. Но ручаться в этом на сто процентов вряд ли было возможно – фото Саласара было старым, потрескавшимся, потемневшим и не совсем четким.

Гость, тем не менее, в своей правоте был совершенно уверен.

– Думаю, остальные украшения также принадлежат моей семье, – заявил он и попросил мэра. – Можно мне еще воды?

Ортега живо исполнил просьбу, наполнив стакан гостя до краев. Саласар тут же осушил его более чем на половину.

– Проклятый диабет... – посетовал он, обмахиваясь своей светло-бежевой шляпой. – Вместе с вашей чертовой жарой они доконают меня окончательно...

– Но как эти сокровища попали в дом к Моредо? – спросил Линарес.

– Понятия не имею, сами выясняйте, – с достоинством, граничащим с чванством, ответил Сильвио и водрузил шляпу на голову. – Когда-то мы были довольно богатой семьей, но гражданская война все перевернула. Дед, к несчастью, выбрал не ту сторону. Его расстреляли, да и вся остальная семья, в большинстве своем, сгинула. Имущество конфисковало правительство Франко – по крайней мере, мы были в этом уверены. Моя мать осталась одна, в полной нищете. Вот она.

Саласар показал еще одно фото. Это был групповой снимок. По центру, на стуле с высокой спинкой, сидела та самая дама с фотографии с колье – только еще чуть более постаревшая. Справа от нее, стоя, расположился высокий и статный, аристократического вида мужчина в костюме. Под руку с ним стояла красивая молодая женщина с девочкой лет восьми. С другой стороны стула к бабушке Саласара прильнула улыбающаяся, наиболее свободно держащаяся на фото девушка – семнадцати-восемнадцатилетнего возраста – внешними чертами похожая на всех лиц женского пола на фотографии сразу. На нее и показывал пальцем гость.

– Это бабушка и семья моей тетки: ее муж и дочка, моя кузина, – пояснил он также и про других. – Никого в живых. А вот она отдельно.

Саласар показал еще одно фото матери – на нем девушка была одна, с букетом весенних цветов.

– Покинуть страну ей было не на что. Мама выживала. Не спрашивайте от кого, но появился на свет я. Она умерла, когда мне было всего восемь. Но я помню ее рассказы: о жизни нашей семьи до всех этих событий. Будь они прокляты. Я вырос в детском доме, сам встал на ноги, и все, что мне оставалось, это бережно хранить память о матери и остальной семье. Несколько фотографий – вот все наследство, что мне досталось. Но бог есть на свете! Фамильные драгоценности нашли меня, и они по праву принадлежат мне, как единственному наследнику!

Такая история не могла оставить равнодушным. Линарес сменил комиссарский тон на более гостеприимный – в конце концов, он тоже был одним из горожан Санта-Моники, со многими, определяющимися этим фактом, чертами характера.

– Хорошо, сеньор, – сказал он Сильвио. – Мы примем все к сведению и во всем постараемся разобраться. А сейчас, позвольте, я отвезу вас в ваш отель.

Гость расправил плечи и высокомерно произнес фразу, по идее исключаящую высокомерие:

– Отель мне не по карману.

– И? – не понял комиссар.

– Думаю, ваш город должен раскошелиться. В виду того, что... Я оплачу все позже, когда мы разберемся с наследством.

«Надо же. Уже тратит деньги, о которых пока всего лишь прочел в газетах», – подумал про себя Линарес.

Но вслух сказал другое.

– Это не проблема. Минутку.

Комиссар подошел к мэру и перебросился с ним парой фраз – шепотом, так, чтобы гость не слышал. Ортега кивнул и, улыбаясь во всю физиономию, обратился к Саласару.

– Город с радостью оплатит вам жилье, сеньор, – пообещал он. – Добро пожаловать, почувствуйте себя как дома.

– На первое время. Пока мы не разберемся что к чему, – вставил Линарес и снова предложил: – А сейчас, позвольте, я все-таки отвезу вас в отель. Это все ваши вещи?

Прощаясь, мэр искренне поблагодарил друга детства за то, что тот взял на себя труд разобраться с визитером. Времени у него самого, из-за постоянных встреч с инвесторами, действительно было в обрез. Чертова трасса, идущая в обход Санта-Моники, грозила уничтожить город, с которым не справились ни гражданская, ни мировая война, ни голод, ни политика.

– А тут еще этот чертов телефон! – пожаловался Ортега. – Надо все-таки запретить Фернандес, – мэр говорил о своей секретарше, – приводить на работу детей! Диего, мелкий засранец, сунул мою Нокию в стакан с молоком, представляешь?

Комиссар рассмеялся: мэр города, жалующийся на трехлетнего мальчишку, выглядел нелепо.

– Послал ее за новым, – вздохнув, Ортега вытер со лба пот, – а пока мучаюсь. Не дай бог, упущу из-за этого выгодное предложение!

Линарес, которому не сильно понравился приездий – с замашками кинозвезды, но при этом не способный оплатить койку в отеле – решил все же попробовать вывести его на чистую воду. Ведь то, что Сильвио рассказал об истории своей семьи, в целом совпадало с тем, о чем упоминал в своих угрозах напавший на Анну подлец.

Тщательно наблюдая за гостем в зеркало заднего вида, комиссар повез его в гостиницу невероятным крючком – цепляющим по своему маршруту и улице, на которой проживала донья Анна. Если Саласар там уже бывал, он должен был себя выдать.

Линарес припарковался прямо перед домом Анны и внимательно смотрел на Сильвио, ожидая от него какой-либо реакции.

Гость тем временем беспрерывно исторгал недовольство, но по несколько другому поводу:

– Конечно, я не рассчитывал на президентский номер, но селить себя на таком отшибе тоже не позволю! – громко ворчал он, вылезая из машины. – Если отель менее четырех звезд, лучше сразу развернемся и поедem в центр. Я своими глазами видел там что-то со спа... Это что?

Вопрос он задал, наткнувшись, наконец, глазами на Анну Моредо. Вместе с комиссаром они стояли через дорогу от нее.

– Вы все-таки привезли меня сюда? Это же она? Та слепая?

– Вы ее узнали? – отреагировал Линарес. – Видимо тоже по фото в газетах? Замечательно.

– Именно так! И я предупреждаю, комиссар, что вам это с рук не сойдет! По-моему, я ясно дал понять, что не имею никакого отношения к тому, что случилось с вашей... с этой... с этой сеньорой!

– Донья Анна! – окликнул Линарес старуху. – Вы не узнаете его?

– Трудно сказать, Эстебан, – ответила слепая. – Говорит он по-другому, это точно. У того голос был низкий, и хрипел он, словно напившийся уксуса самоубийца. Этот же визжит, как пожарная сирена. Он может подойти поближе?

Линарес произвел приглашающий жест.

– Сеньор, раз уж мы здесь, и вам, как вы утверждаете, все равно нечего бояться...

– Это комедия, инспектор, вам здорово икнется! – Сильвио был в бешенстве. – Почему я должен к ней подходить?

– Я бы хотела вас понюхать, сеньор, – ответила за комиссара Анна.

– Что? – не ожидал такого поворота гость.

– От того негодяя пахло лавандой, – объяснила слепая, – и алкоголем.

– Я вообще не пью! У меня удалили камень! – воскликнул Саласар. – Да еще и диабет.

Неожиданно Эстебан Линарес обхватил гостя Санта-Моники руками, приподнял над землей и пронес недостающую пару метров до Анны по воздуху.

– Я буду жаловаться! Вы пожалеете! Немедленно уберите руки! – визжал сеньор в светло-бежевом.

– Нюхайте донья Анна, только скорее, – пропыхтел Линарес, с трудом удерживая барахтающегося Сильвио.

Анна водила носом по воздуху, пытаясь что-нибудь учуять.

– Отпусти его, Эстебан. Это не он, – наконец сказала она. – И пахнет по-другому и вообще... Тот был фруктом по жестче.

– Что вы имеете в виду? Это оскорбительно! – обнюханный Сильвио был вне себя. – Но раз уж так получилось, что мы с вами все равно встретились... Я вам скажу! Эти сокровища принадлежат не вам, сеньора. Моя семья заплатила за них своей жизнью!..

– Странное дело, – заметила старуха. – А вот по содержанию, он говорит то же самое. Один в один, как тот полоумный. Разве только не угрожает убить.

– Убить? Что за чушь!

– Сеньор, я приношу вам свои извинения, – произнес раздосадованный результатом «очной ставки» Линарес. – Садитесь в машину, я отвезу вас в отель.

– Идите к чертовой матери! – ответил на это Саласар. – Вызовите такси и при мне назовите адрес гостиницы.

Как только такси с разгневанным претендентом на миллионы скрылось за поворотом, у комиссара зазвонил телефон.

– Ну что, Эстебан? – снова раздался в трубке голос мэра (и на этот раз он звучал нормально). – Ты «поселил» нашего гостя?

– Да, только что разобрались, – ответил комиссар. – Я все-таки уговорил его заехать к донье Анне. Это не он.

– Понятно. Отлично, – судя по голосу, мэр пребывал в некоем странном возбуждении. – Тогда ты можешь смело приступить ко второму подозреваемому.

– Что? – не понял Линарес. – Что ты имеешь в виду?

– Ты не поверишь, но у меня в кабинете еще один претендент на сокровища. Я не знаю, что делать!

Комиссар снова присвистнул и сунул руку в карман с трубкой.

– Ну что же, донья Анна, удастся ли мне снова проверить фокус с гостиницей неизвестно, – сказал он. – Давайте, я помогу вам сесть ко мне в машину. Прокатимся до мэрии и разберемся с тем, что происходит на месте.

Анна согласилась – а что ей еще оставалось?

Главной неприятностью было то, что оба подонка – и приходивший, и привезенный комиссаром – позволили себе обвинять ее отца в том, что он причастен к крови, пролитой за эти богатства. И это было возмутительно! Анна хорошо знала своего отца, и в жизни бы не поверила, что он, Антонио Моредо, добрый и заботливый, скромный и любящий человек, мог бы поступиться честью ради денег. Даже таких огромных, какие были найдены в его доме.

Наверняка, этому есть какое-то простое объяснение. Которое, возможно, станет известно из того, что расскажет следующий заявившийся к Ортеге жулик.

Откуда-то в ее доме этот клад все-таки взялся?

Глава 4. Мэрия Санта-Моники, ее хозяйева и гости

Когда-то мэрия Санта-Моники располагалась в ратуше, но из-за прогрессирующей ветхости, не щадящей ни одно здание в городе, была вынуждена переехать. Ныне она работала в просторном двухэтажном доме из числа городской собственности. Тоже на ратушной площади – напротив полицейского участка. Ратушу в прошлом году, как смогли, отреставрировали, но вернуться обратно мэрия не пожелала, оставив исторические интерьеры туристам, которых в Санта-Монике и так побаловать было почти нечем. Ратуша, церковь святой Моники (XVII века) да скверно работающий фонтан примерно того же времени. Вот и вся программа.

– Нам бы мост как в Ронде или хотя бы орхидариум как в Эстепоне. Мы же не дотягиваем даже до Осуны! – сетовал, искренне желая своему городу лучшей участи, мэр Эмилио Мануэль Хорхе Ортега.

Эмилио Ортега, как обычно сокращали его имя, являлся человеком, занятым круглыми сутками. Двери в его рабочий кабинет были распахнуты постоянно. Как и в саму мэрию в целом: посетители приходили в любое удобное для них время дня, вечера и даже ночи. Если по каким-то причинам прием не был возможен, на их пути становилась Исабель Фернандес – помощница мэра, на протяжении множества лет работающая его секретарем. Ну или ночной и воскресный сторож Филиппе – старик (при круглосуточно открытых дверях), скорей исполняющий роль ночующей в мэрии достопримечательности. Лет ему было столько, что он всерьез мог соперничать с городским фонтаном.

Эмилио Ортега был живописной личностью. Рано полысевший, полноватый, осанистый, но невысокого роста, на первый взгляд он производил впечатление недотепы, мечущегося в панике от одного «пожара» к другому. «Будто смотришь ролик с пандой», – как-то метко выразилась Исабель. Но на самом деле за внешней неказистостью скрывалась натура куда более собранная, полная кипучей энергии, ошибочно принимаемой за суетливость.

Обладал он и весьма живым умом, с детства побеждая во всех региональных шахматных и покерных состязаниях – просчитывать одновременно множество вариантов, собственных и чужих действий, находилось у него в повседневной привычке.

Увы, для процветания Санта-Моники картежных и шахматных успехов ее мэра было недостаточно. Город медленно умирал, и это не было новостью уже лет сорок. Молодежь, теряя терпение, уезжала в города покрупнее и страны побогаполучнее. Рабочие места отмирали, как пораженные проказой клетки. По окраинам город будто опухолью оброс покинутыми домами, в которые мигом пробрался и уже успел, умерев, засохнуть горный чертополох.

С болью глядя на то, как «опухоль» подбирается к сердцу, Ортега делал все возможное, чтобы вернуть своему городу шанс на выживание. План был такой: скинувшись с соседними городками, испытывающими похожие проблемы, построить парк аттракционов. Роскошный! Такой, в который можно будет возить группы туристов из Севильи и всего региона – уж точно ближе, а значит выгоднее, чем переться через полстраны в знаменитый «Порт Авентуро».

Дни и ночи Эмилио Ортега проводил во встречах с потенциальными инвесторами – убеждая, умасливая, интригуя и обещая. Чем все закончится, при этом, до сих пор было непонятно – строительство, несмотря на годы кипучей деятельности Ортеги, все еще даже не началось.

Жители Санта-Моники, горячо любившие свой город, были признательны мэру за его рвение. И помогали, чем могли. Отец Паскуале, например, ежемесячно писал в Ватикан и севильскую архиепархию просьбы передать городу раку с мощами святой Моники – хотя бы на время туристического сезона. С жителей Сан-Агустина, где она хранилась на данный момент, по его мнению, было достаточно мощей сына Моники, блаженного Августина. Но церковь упорно не желала «разделять семью» и отделялась стандартными отписками.

Рассказывая о мэрии Санта-Моники, нельзя не задержаться на еще одной, уже упомянутой, персоне. Секретарь Исабель Фернандес была крупной персоной в управлении городом, выражаясь не только фигурально. Если она вставала в дверях, преграждая путь посетителю, оказаться в кабинете мэра он мог лишь одним способом – каким-то невероятным образом став «жидким терминатором». У всего другого просто не было шансов. Если применить к Фернандес геометрические термины, это был огромный, обтянутый черной тканью параллелепипед, украшенный крупными ярко-оранжевыми бусами. С копной черных вьющихся волос, торчащих в разные стороны, словно змеи медузы Горгоны. Добавьте к этому два жирно подведенных черной тушью глаза, помаду цвета ошпаренного лангуста, ногти с таким же лаком и зычный, с небольшой сипящей хрипотцой, голос – и будете иметь полное представление.

Говорили, что новую мэрию построили вокруг Исабель Фернандес – потому, что так было проще, чем затащить ее вовнутрь.

Над могучим телосложением Фернандес поработала не только знаменитая кухня Андалузии (хотя, и она была тоже причем, конечно). Исабель была не только крайне корпулентной, но и крайне многодетной сеньорой. И каждый рожденный ею ребенок добавлял по паре-тройке килограммов в ее зад, бока и бедра. Что, возможно, звучало бы не так страшно, не знай никто, сколько у нее детей. К тридцати пяти годам Исабель уже родила целую футбольную команду и теперь заполняла скамейку запасных.

В Санта-Монике, городе, названном в честь святой, посвятившей жизнь сыну, к матерям всегда было особое отношение. Исабель Фернандес для многих была святой тоже. Ее любили и почитали, тем более что над своим трехзначным весом и двухзначными родами она с удовольствием позволяла шутить, добродушно смеясь над любой, даже самой сомнительной остротой в свой адрес. Единственный, кто не имел на это права, был ее муж Диего. От него Фернандес требовала круглосуточного поклонения и обожания – на полном серьезе.

Эмилио Ортега весьма дорожил своей секретаршей, называя ее «городским ангелом-хранителем». Не на Фелипе же ему, в самом деле, было надеяться? Тот на своем рабочем месте, если не смотрел включенный на полную громкость, маленький, принесенный из дома телевизор, то крепчайшим образом спал. Никто из посетителей, к слову, никогда его не тревожил, все проходили мимо, сразу на второй этаж, где располагался кабинет Ортеги.

Малыши, которых Фернандес постоянно таскала на работу, были тут такой же привычной частью интерьера, как развешанные по стенам картины с немногочисленными живописными видами Санта-Моники: все та же ратуша, городской фонтан и старинный мост через речку Бебе. Разумеется, дети постоянно шалили. На их совести были нарисованные разноцветными фломастерами усы у всех членов королевской фамилии (портреты которых по этой причине и заменили полотнами с городскими видами). А как-то, играя в коридоре «в корриду», сорванцы проткнули ножкой стула перегородку между кабинетом мэра и приемной, в которой посетители обычно ждали своей очереди.

Оказалась, проделанная дыра обладает уникальными акустическими свойствами. Через нее было превосходно слышно все, что говорилось в кабинете – стоило просто оказаться рядом с отверстием.

Беспорядок хотели устранить, но тут Ортегу осенило.

Представители строительной фирмы, с которыми он пытался договориться о ремонте ратуши за приемлемые деньги, были с извинениями оставлены им в кабинете – якобы по необходимости «на минутку отлучиться». На самом же деле мэр помчался к проделанному балбесами секретарши отверстию – подслушать: не скажут ли гости мэрии чего-нибудь, что можно будет использовать во благо города?

И эти ожидания оправдались успехом!

Думая, что остались одни, подрядчики, посмеиваясь, обсудили, как именно они облапошат похожего на панду недотепу. Через несколько минут вернувшийся в кабинет Ортега не оставил от них мокрого места, выбив наивыгоднейший для города строительный контракт.

Дырку решили сохранить, замаскировав со стороны кабинета большущей картой Андалузии. Со стороны приемной ее прикрыли еще одной картиной: с той самой отреставрированной ратушей – это всем показалось весьма символичным.

Отверстие прозвали «Всевидящим оком» (несмотря на то, что это было скорее «ухо»), и стали время от времени пользоваться им в похожих целях.

Обычных посетителей под картину, конечно, не сажали. Там даже не было стула, это место занимала большущая кадка на напольной подставке с разросшейся до полутораметрового размера сансевьерой. Услышать все, что нужно, можно было лишь сунув голову в самые ее заросли.

Хотя о «Всевидящем оке» особенно не распространялись, в Санта-Монике о нем знали многие. Линарес в их число, разумеется, входил. Именно этой особенностью кабинета мэра он и собирался воспользоваться, приглашая проехать в мэрию донью Анну.

Мэр перехватил комиссара и Анну Моредо в коридоре. Пройдя в приемную, где их ждала Исабель Фернандес, мужчины отодвинули от стены с картиной кадку с сансевьерой. Секретарша поставил на ее место стул и помогла дойти до него донье Анне.

– Сидите и слушайте, сеньора, не его ли это голос, – шепотом попросил Линарес. – Мы выведем его на чистую воду!

Анна, пожав печами, кивнула. Уж что-что, а сидеть и слушать было самым привычным из всех ее занятий.

Глава 5. Американские родственники

– Что, такой же мадридский павлин, как Сильвио? – осведомился комиссар по поводу нового претендента на сокровища.

– Не совсем, и точно не мадридский, – ответил Ортега, – Возможно и жулик, но держится так, будто его самого легко провести.

Линарес заметил в руке друга новый телефон. «Новым», впрочем, его в 21 веке назвать было трудно. Мало того, что аппарат был кнопочным, так еще и по размерам – с добрый бокадильо, способный заменить обед из первого, второго и трех десертов.

– Что это за чудовище? – с удивлением спросил комиссар.

– Фернандес принесла, – мэр покраснел и спрятал допотопный телефон за спину.

– А что не устраивает? – поинтересовалась секретарша. – Работает же? Или мне надо было купить тебе что-то в половину материнского пособия?

– Все в порядке, Исабель! – успокоил подчиненную мэр поспешно. – Он прекрасно работает.

– Мне и так пришлось отобрать его у мужа!

– Фернандес, прости, все нормально, – пришел на помощь комиссар. – Нам пора заняться делом. Прошу тебя, побудь с доньей Анной.

Внутри кабинета их ждал молодой мужчина, скорей всего не достигший еще даже двадцатипятилетнего возраста. Первое, что бросалось в глаза – его общая нескладность. Он был долговым, сутулым и худым, с руками и ногами, напоминающими спички, торчащие из пластилиновой поделки. Похожее впечатление оставляли и его волосы – ярко-рыжие – каждая их прядь торчала в своем собственном направлении. По такому же принципу на его веках выросли ресницы, а на черепахе уши. Кроме того, он был феноменально конопатый.

В общем, поверить в то, что такой парень мог напугать донью Анну, было почти невозможно – настолько от него разило простодушием.

– Будьте знакомы, – представил мэр юношу. – Это комиссар Эстебан Линарес. А это...

– Энтони Макгиннел, – напомнил рыжий.

– Сеньор Макгиннел, – извиняясь, мэр приложил руку к сердцу. – Который тоже претендует на клад!

– Только на часть, – поправил Энтони. – Ведь, как мне уже сообщили, на сокровища заявил свои права еще один сеньор. Мистер Сильвио Саласар, верно?

– На часть, значит. Ну, хорошо, что так, – не отвечая на вопрос, кивнул комиссар. – А что за акцент у вас?

Линарес уселся, откинувшись, в кресло, стоящее рядом с картой Андалузии, и жестом пригласил гостя последовать его примеру. Ортега сел подле, пододвинув для этого стул.

– Американский, – поспешно вытащив из кармана паспорт, парень протянул его комиссару. – Я всю жизнь прожил в Штатах. Но корни мои отсюда, из Санта-Моники.

– Вот как? – удивился Линарес. – У вас тут кто-то есть?

– Судя по всему, – улыбнулся Энтони. – Я – родственник Анны Моредо.

Новость была, что и говорить, крайне неожиданная.

– Ничего себе! – воскликнул мэр и переглянулся с Линаресом. – И кем же она вам приходится?

Комиссар с интересом ждал ответа, «наострил» уши и мэр. Остается лишь догадываться, с каким огромным вниманием слушала, что скажет Макгиннел, сидящая возле «Всевидающего ока» Анна Моредо.

Рыжий же еще раз улыбнулся и произнес:

– Можно считать – матерью.

Челюсти Эстебана Линареса и Эмилио Ортеги еще не успели долететь до пола, а через стену, оттуда, где разговор подслушивала Анна, уже раздался ее удивленный возглас. Приглушенный перегородкой, картиной ратуши и картой Андалузии, но все равно весьма громкий:

– Дева Мария! Наш город повадились посещать сумасшедшие всех медицинских диагнозов! С какой луны ты свалился к нам в Санта-Монику, сынок? Эстебан! Эмилио! Вы меня слышите? Куда вы пропали, черти?

– Сейчас, донья Анна! Я приду за вами! – проорал Линарес примерно в «Гранаду».

– Донья Анна? Это она? – отреагировал рыжий, причем так радостно, что можно было подумать, будто клад уже отдали ему, целиком. – Это же великолепно! Это просто здорово!

Спустя пару минут Линарес и Исабель Фернандес под руки привели сеньору Моредо в кабинет мэра.

– Здравствуйте! – Макгиннел кинулся навстречу Анне с протянутой для рукопожатия рукой.

Слепая, почувствовав чужое движение в свою сторону, отпрянула.

– Осади, парень! Потише, – попросил комиссар. – Насколько я понимаю, донья Анна вряд ли собирается признавать тебя своим сыном.

Анна деланно хохотнула:

– Да уж конечно! Кому как не мне знать, рожала я или нет хоть раз в жизни? Если только мне не удалось переплюнуть деву Марию и проделать это не только непорочно, но и незаметно для себя! Без схваток, растяжек и токсикоза – насколько я понимаю, след в памяти они оставляют неизгладимый. А я вот, прости господи, никак не могу припомнить того момента, когда из меня отошли воды, которые вынесли тебя на берег – кто бы ты ни был, называющий меня своей матерью, полоумный наглец!

– Вы меня не так поняли, – добродушно расхохотавшись, ответил Энтони. – Я же сказал «можно считать матерью», а не матерью на самом деле. Если бы я знал, что сеньора Моредо здесь, я бы выбрал формулировку поосторожнее.

Линарес глядел на парня с нескрываемым подозрением.

– Объясните. А то все становится еще запутанней, – попросил он Макгиннела.

– Сеньора Моредо, – произнес американец с уважением, – вы же помните, как выходили замуж?

Линарес и Эмилио перевели взгляд на Анну. Она молчала. Но на лице ее появилось странное выражение – смесь боли и тревоги и еще крайней внимательности к тому, что она слышит.

– Помните? – повторил рыжий. – В пятьдесят девятом году?

– Выходила ли я замуж? – переспросила, наконец, Анна, и было слышно, как голос ее дрогнул. – Да, это было. В то самое время.

На лице у рыжего успело появиться облегчение. Но ненадолго.

– Но у подонка, который обвенчался со мной... – Анна кашлянула, чтобы прочистить горло. – У нас не было брачной ночи. Так что откуда бы ты ни явился, заставляя меня вспоминать то, что я навсегда выбросила из головы и сердца, мне все равно не понятно. Я тебя не рожала!

Кроме заявления Анны, Линаресу было очевидно и то, что стоящий перед ним молодой человек никак не мог быть зачат ни в упомянутом пятьдесят девятом году, ни в пару десятков лет после – исключительно по возрасту. Он это заметил вслух:

– Да и не слишком ли ты молод, чтобы родиться в шестидесятых?

– Нет, ну что вы! – рассмеялся Энтони Макгиннел. – Конечно, я не имел в виду, что вы меня рожали, донья Анна. Но я сын Раймона Руиса. Того самого, вашего мужа. От другой женщины, конечно.

Словно вспомнив что-то важное, Макгиннел полез во внутренний карман пиджака.

– Вот. У меня с собой фотография с вашей свадьбы.

Юноша бережно достал из кармана черно-белый бумажный прямоугольник и показал его Ортеге и Линаресу.

– Да, донья Анна, я подтверждаю, – произнес комиссар, разглядев снимок – У него фотография, на которой вы в свадебном платье и с женихом.

– А так как вы свой брак не расторгали, – продолжил Макгиннел, – то технически я являюсь частью вашей семьи – так говорят адвокаты. Ну и это значит... Извините, мне неловко. Но это значит, что на часть денег, которые сейчас находятся у вас, мы с отцом можем претендовать. Вы уж простите.

– Мы с отцом? – переспросила и так потрясенная Анна. – Мы? Он что, жив?!

– Да, он тоже приехал, – подтвердил рыжий. – Но настолько утомился, что я вынужден был оставить его в Севилье, куда мы прилетели самолетом. Возраст, донья Анна. Отец почти не ходит, если честно. Но он собирался приехать и быть тут через пару дней. Или я могу отвезти вас к нему, если хотите...

– Нет, не хочу! – резко ответила Анна, и голос ее снова задрожал, но уже от гнева. – Если говорить о моих желаниях, то самое горячее из них, это сделать так, чтобы никакого клада никогда не было. И чтобы меня перестали беспокоить разного рода негодяи и мерзавцы. Тем более, такие, как эта гнилая вонючая падаль, Раймон Руис. От одного упоминания имени которого мне хочется вырвать сильнее, чем от корня бузины.

Улыбка покинула симпатичное конопатое лицо Макгиннела, уступив место растерянности.

«Раймон Руис» – сделал себе пометку в старомодном блокноте комиссар и вмешался в разговор «родственников»:

– Донья Анна? Насчет угроз. Как я понял, вы его не опознаете?

– Каких угроз? – Макгиннел захлопал рыжими ресницами.

– Да какое там... – Анна пренебрежительно махнула рукой. – Там был хищник. Волк! А этот – не опасней домашнего кролика. Травоядный, сам же видишь.

– Что? – американский юноша окончательно потерялся. – Я вас не понимаю.

Его успокоил мэр:

– Все в порядке, не волнуйтесь. Это не обидно и в вашу пользу, поверьте.

Но хмурая тень, налетевшая на физиономию Макгиннела, не ушла. Его явно задели слова, сказанные Анной об отце.

– Я не знаю, что между вами произошло, сеньора. Отец не рассказывал, хоть я и просил. Но все же, если это возможно, я вас прошу, воздержитесь от...

– Невозможно. Не проси, – оборвала его старуха. – Я тоже не собираюсь ни тебе, ни другим ничего рассказывать. Ты вроде воспитанный и уважающий других парень. Я слышу. Это хорошо. Но твой отец... Он умер для меня много лет назад. Сдох! И надо сказать, это было одним из самых радостных событий в моей жизни. А она меня побаловала – я, в конце концов, нашла клад, не забывай!

Комиссар еле успело спрятать улыбку – чувство юмора Анны Моредо было непредсказуемым, как Национальная лотерея.

– Так пусть он остается там, – закончила Анна, – куда попадают, умирая, все безразличные мне люди. Эстебан? Вези меня домой!

Окончательно помрачневший Макгиннел, тем не менее, возразил:

– Сеньора, скорей всего, вы имеете серьезные причины говорить то, что говорите. Я это понимаю. Но, к сожалению, вам придется встретиться.

– Для чего? – Анна теряла терпение.

– Чтобы разделить клад. Между вами и моим отцом. Вашим мужем.

– Черта с два! – Моредо стукнула кулаком по ладони. – Жадный подонок! Он еще смеет что-то от меня требовать!

– Отец разбит тяжелой болезнью и почти не разговаривает, — сказал Митчелл. – Но, если он что-то решил, переубедить его трудно. По закону, мы с отцом имеем право, и это его позиция. Так говорят наши юристы, а к ним у нас в Америке принято прислушиваться. Честное слово, мне от этого всего действительно неловко, но я не могу спорить с ним.

– Да? Неужели? – Анна щедро сдабривала ядом каждое слово. – А я думала, может, он вспомнил о дне нашей свадьбы? Думала, он явился в город, из которого бежал, поджав хвост, потому что все это время его мучила совесть? Но нет. Деньги! Деньги! Деньги! Вот единственное, что ему было всегда дорого!

– Не думаю, что они его волнуют, сеньора, – попробовал возразить Энтони. – Отец богат. Но он умирает. Я...

– Ты не расслышал! – перебила его Анна криком. – Он уже умер – я говорила. Много лет назад, сдох! Сдох прямо у меня на глазах. Я тогда еще видела, мальчик, и видела отлично. А мертвецам деньги не нужны. Так и прокричи ему в могилу, когда он, наконец, околеет и для всех остальных.

– Сеньора...

– Я все помню, так ему и передай. Разговор окончен!

Макгиннел, и без того сутулый, окончательно опустив плечи, бросил взгляд на Линарес и Ортегу, ища поддержки. Они ответили на него лишь разведенными в стороны руками.

– Вы знаете... Отец предупреждал, что так будет, – сказал американский юноша. – Вообще, он был против того, чтобы я ехал сюда один. Но я ослушался. К тому же наши адвокаты...

– «Наши адвокаты»! – Анна Моредо не хотела больше ничего слушать. – Клянусь своим адвокатом, а он у меня тоже есть, так или иначе я затяну такую тяжбу, что он сдохнет раньше, чем получит от меня хотя бы цент. И, очень надеюсь, что в тяжелых болезненных мучениях.

– Оставьте ваши бумаги, сэр. Мы покажем их адвокату сеньоры Моредо, – официально произнес мэр, недвусмысленно намекая, что разговор себя исчерпал. – И обязательно оповестим вас о том, какое решение ею будет принято.

– Как будто и так не понятно какое, – буркнула Анна, когда Макгиннел уже покинул кабинет.

– Так вы были замужем, донья Анна? – спросил комиссар, помогая ей подняться из кресла.

– И официально я, видимо, до сих пор там, – сказала с досадой старуха. – Черт побери! Я была уверена, что никогда не увижу этого негодяя. Ха, ну, этого-то, я, наверное, боюсь зря... Но одно то, что он осмелится появиться перед моими глазами!.. Черт, я устала. Чтобы ты знал, Эстебан: это из-за него сошел раньше срока в могилу мой отец и вынужден был сгинуть мой брат. Мои глаза... Их я тоже потеряла из-за него. Не только из-за него, но... Это дело прошлое. Я не хочу вспоминать. Оказывается, это больно до сих пор, сколько бы ни прошло времени.

Проводив обладательницу нескольких десятков миллионов евро до дома, комиссар Линарес пообещал себе не спускать глаз с обоих объявившихся в Санта-Монике гостей. Уж больно накалялись вокруг их приезда страсти. Да и кто был тот подонок, что угрожал Анне Моредо, тоже так и не выяснилось.

Если бы в тот момент комиссару сказали, что претенденты на сокровища только начинают прибывать, он бы расхохотался в голос.

Глава 6. Агнешка и Родригес

В кабинете мэра, помимо его хозяина, сеньора Эмилио Ортеги, находилась супермодель. Самая настоящая. Длиннющие ноги, не обратившие внимания на которые не было никакой возможности, без предупреждения переходили в выпуклый рельефный зад и, через тонкий перешеек изящно изогнутой талии, заканчивались настолько убедительной грудью, что далее вверх мужские глаза Линареса подниматься отказывались. Комиссар попробовал несколько раз и все равно «тормозился» на этих прелестях, не в силах перевести взгляд выше. Выбранный моделью фасон платья состоял из минимума ткани, вряд ли по совокупной площади превышающий размеры галстука Линареса.

Супермодель, впрочем, такое внимание несколько не смущало – к подобной мужской реакции на собственную персону она, очевидно, давно привыкла.

С третьей попытки, собрав волю в кулак, комиссар добрался-таки до лица красавицы. Оно было накрашено так, словно через минуту должно было появиться с номером на Евровидении. Тени, густо перемешанные с золотыми и серебряными блестками, были нанесены на все веко. Ярκο-вишневая помада полыхала на губах, темнели утопленные в щеках скулы. Длинные, ниже груди, завитые волосы – то ли в полном беспорядке, то ли в полном порядке – но очень натурально и привлекательно обрамляли вытянутый овал лица. Ресницы, очевидно накладные, были такого размера, что скорее напоминали крылья бабочки-махаона.

Обращаясь к Линаресу, супермодель, во-первых, подошла к нему вплотную, а, во-вторых, захлопала ресницами так, что комиссар почувствовал на своем лбу поднятый ими поток воздуха. Благодаря модельному росту, который к тому же складывался с длиннющими шпильками ее туфель, красавица была выше комиссара на голову с четвертью, а то и больше.

– Я приходила стать богатой, – томным шепотом заявила модель, наклонившись к Линаресу. – Пожалуйста!

– Что? Я вас не понял, сеньорита, – захолопал в свою очередь глазами Линарес.

– Мне нужны деньги богатства, – сказала модель, сложив яркие перманентные брови печальным «домиком».

И добавила, как нечто устраняющее любые вопросы:

– Мой брат.

Комиссар пришел в естественное замешательство.

– Повторите, если не трудно, – попросил он девушку. – Судя по всему, я не все понимаю.

Модель взяла его за руку, отчего на лысине Линареса сами собой зашевелились волоски, а по спине побежали полные восторга мурашки. Будто объясняя ребенку нечто очень простое и одновременно важное, модель с придыханием выдала очередную ахию.

– Богатство мой бедный брат. Я приходила. Дайте, пожалуйста. Сейчас.

И закрепила сказанное такой улыбкой, что Линарес пожалел, что женат.

Комиссар растеряно взглянул на хозяина кабинета, по звонку которого прибыл в очередной раз в мэрию. Но Ортега, покачав головой, дал понять, что вряд ли чем-то поможет.

Опомнившись, инспектор полиции мягко высвободил свою руку из хватких объятий девушки. Отступив на пару шагов, он ослабил узел галстука и глубоко вздохнул. Стряхнув наваждение, Линарес попробовал взять контроль над ситуацией:

– Стоп, сеньорита! Так мы далеко не уедем. Давайте сначала. Пожалуйста, представьтесь. Кто вы?

Модель выслушала его с распахнутыми ртом и глазами, как бывает, когда плохо знаешь язык и боишься пропустить что-то важное.

Красавица обрадовано кивнула, показывая, что все поняла, и полезла в миниатюрную сумочку, висящую на плече на длинном тонком ремешке. Удивительно, но оказалось, что в

ней умещался ее паспорт – по размеру примерно такой же, как вся сумочка (во всяком случае, не меньше).

– Мою звать Агнешка Петржак, – проговорила она, протягивая документ. – Я Польша.

И добавила то, о чем уже упоминала:

– Мое богатство брат. Бедный брат.

Линарес наморщил лоб.

– Постойте. Я помню эту фамилию! – воскликнул он, разглядывая паспорт. – Богуслав?

– Правда! – обрадовалась Агнешка, всплеснув похожими на двух игривых рыбок ладошками. – Богуслав Петржак! Брат!

– Это имя и фамилия идиота, который погиб, врезавшись в дом Моредо, – вполголоса пояснил мэру Линарес.

– Дом Моредо! Да-да! Деньги мое! Спасибо! – радостно подтвердила Агнешка.

– Простите, но это весь испанский, который вы выучили, сеньорита? – задал важный вопрос комиссар.

Агнешка пожала плечами, показывая, что этого вопроса уже не поняла.

– Мда, – закатил глаза Линарес, предчувствуя, какой нелегкий разговор его ждет в ближайшем будущем. – Помогите нам, Святая богородица и архангел Гавриил...

Спустя семь потов и около часу времени с определенной уверенностью комиссар Линарес и мэр Ортега установили, что Агнешка Петржак является сестрой туриста, чуть не убившего донью Анну. Который приехал в Андалузию на самом деле к ней, своей сестре, работавшей в одном из ночных клубов Коста-дель-Сол танцовщицей.

И еще она требовала, чтобы с ней поделились сокровищами.

– Почему? С какой стати! – возмутился мэр, и Линарес его, естественно, поддержал.

Но Агнешка, оказалось, готовилась к встрече не только с помощью самоучителя по испанскому.

Вслед за паспортом из своей миниатюрной сумочки она извлекла книгу (уже совершенно точно в ней никак не умещавшуюся!). На ее обложке значилось: «Гражданский кодекс Испании». Примерно из середины книги торчала одна единственная закладка. Открыв на ней страницы, модель указала длинным акриловым ногтем на обведенный красным карандашом абзац.

Линарес зачитал его мэру. В подчеркнутом тексте сухим, но совершенно недвусмысленным официальным языком утверждалось, что нашедший клад имеет право на часть его стоимости.

Все встало на свои места.

Расхохотаться в полный голос Линаресу мешал только тот факт, что все-таки девушка недавно потеряла близкого родственника и по праву могла оскорбиться. У мэра справиться с собой получилось хуже.

– Так вы что, считаете, что ваш брат нашел клад?! – в изумлении воскликнул он. – Нашел?! Вы это так называете?

– Да! – с радостью подтвердила полячка. – Мертвый брат, богатства Моредо! Да!

– Вы смеетесь? – бушевал мэр. – Вы над нами издеваетесь? Вы действительно всерьез на что-то рассчитываете?

Лицо Агнешки снова приняло то выражение, когда она не понимала (или делала вид, что не понимает) вопроса.

– Она серьезно, – ответил за нее Линарес. – Ты же видишь.

Выпроводив модель, с обещанием разобраться с этим вопросом в самом ближайшем времени, вдвоем они принялись думать, что делать с этой абсурдной ситуацией. Придя к выводу, что без юридической консультации им не обойтись, друзья разошлись до завтра – по своим делам, которых у каждого было по горло.

На удивление, в тот день это были не последние события, связанные с кладом. Вечером, оторвав комиссара от ужина с семьей, мэр снова срочно вызвал его к себе.

Недоужинавший Линарес застал Эмилио Ортегу в кабинете, в состоянии, в котором в комедиях изображают готового с минуты на минуты «поехать крышей» человека.

– Они меня доконают! Так нельзя! – громкими криками встретил его раскрасневшийся, растрепанный глава города. – Полюбуйся, Эстебан! Еще один!

Навстречу комиссару с дивана для посетителей поднялся невысокий, кряжистый мужчина лет сорока. Одет он был просто: джинсы с майкой и гавайской рубашкой, бейсболка и кроссовки. Носил он густые усы и жесткие кучерявые баки, составляющие ансамбль с похожими на них кустистыми насупленными бровями.

Было видно, что мужчина нервничал, но пытался держаться с достоинством. Или, вернее, с вызовом. Его взгляд – снизу вверх, но при этом исподлобья – указывал на решительный настрой. Говорил он при этом бубня и смотрел куда-то поверх головы собеседника.

– Не кричите на меня, я честный человек. Я себя обмануть не дам. Я свои права знаю. Все должно быть по справедливости и по закону.

Комиссар вопросительно посмотрел на мэра. Мэр раздраженно изобразил руками в воздухе нечто, что можно было принять за что угодно – хоть за показанную в пантомиме скульптуру Гауди.

– Сеньор, прошу вас. Я правильно понял? Вы тоже претендуете на клад Анны Моредо? – спросил Линарес.

– На клад, найденный в доме Анны Моредо, – поправил мужчину. – А как же! – усач проявил силу воли и опустил глаза с потолка на комиссара, чтобы сказать ему в лицо то, что считал особенно важным. – Какая-то родственница туриста получит миллионы, а тот, кто на самом деле все нашел, останется ни с чем? Не по справедливости это! Видит и бог, и дева Мария, и вообще спросите, кого хотите. Так дела не делаются!

Рука комиссара сама собой опустилась в карман и зашарила там в поисках трубки.

– Кто это? – устало спросил он у Ортеги.

– Сеньор Хосе Родригес, будьте знакомы, – в словах мэра сквозил сарказм. – Рабочий муниципалитета, который после пожара разбирает стену в доме Моредо. Тоже считает, что имеет право на свою долю драгоценностей.

– Иисус Мария... – комиссар прикрыл ладонью глаза.

– А что? Разве нет? – не понравилось это Родригесу. – Чем я хуже какой-то...?

Хосе Родригес назвал утреннюю посетительницу словом, за которое дети получают от родителей по губам.

– Я не проститутка! Я танцую! – возмущенно заявила Агнешка – на этот раз грамматически безупречно.

От неожиданности комиссар подпрыгнул на месте. Оказалось, девушка тоже тут – Линарес ее не заметил, так как модель сидела за его спиной, скрытая распахнутой дверью кабинета. Польская красавица занесла в мэрию «необходимые для получения клада», по ее мнению, документы: разрешение на работу и свидетельства о рождении и смерти брата, присланные ей из Польши родными.

– Угу. А я служу мессы, – буркнул Родригес и обиженно уставился в окно.

– Не надо так! Перестаньте, прошу вас, – воззвал к благоразумию мэр. – Давайте вместе подумаем, что делать дальше.

Хосе Родригес взял слово.

– Не знаю, как с ней, а мне-то уж точно полагается доля, – забурчал он снова, подкрепляя слова ударами кулака о ладонь. – Я битый час провел на сайте законов, как только узнал, что какая-то... какая-то чья-то родственница... что она пытается получить часть денег за мою находку. Все должно быть по справедливости!

– Закон!

Модель опять достала из сумочки Кодекс и многозначительно постучала маникюром указательного пальца по его обложке.

– Хорошо, – ответил Линарес. – Мы приняли к сведению. Теперь дайте нам минуту.

Большого труда стоило убедить Родригеса и модель покинуть кабинет, чтобы иметь возможность обсудить ситуацию. Под присмотром Исабель Фернандес, перечить которой они не рискнули, парочка проследовала в приемную. А мэр и комиссар остались скрипеть мозгами над запутанным клубком притязаний на клад, о находке которого сожалела уже не только донья Анна.

– Может собрать их, как пауков в банке? И пусть отгрызут друг другу головы? – уставший за день мэр потер виски.

– А хорошая на самом деле мысль, Эмилио, – согласился комиссар. – Стоит провести общую встречу и попытаться разобраться – к чему мы вообще идем?

– Думаю, это стоит поручить Адриану, – предложил Ортега, имея в виду ведущего юриста Санта-Моники, сеньора Адриана Молину, к услугам которого прибегала и мэрия, и комиссариат, и почти все в городе, у кого хватало средств на то, чтобы вести хоть какие-то дела.

– Правильно! – сказал Линарес, – Он же расскажет им и новости из Мадрида. Они, раз уж так пошло дело, касаются их всех.

Комиссар достал бумаги, присланные из столицы в комиссариат в ответ на запрос по Саласару. Вообще он собирался обсудить их с мэром завтра, но раз уж так сложились обстоятельства...

Ортега пробежал глазами документы, ключевые места в которых уже были любезно отмечены Линаресом ярким желтым маркером.

Информация была совершенно поразительная.

– Что же из этого получается? – спросил обескураженный Ортега, не отрывая взгляда от текста.

– Прежде всего, – ответил комиссар, – что это именно он, мерзавец, приходил к Анне с угрозами.

– Но она же не узнала его по голосу?

– Значит, он кому-то заплатил. В любом случае, подонки много чего от нас скрыл. И он за это ответит. Жаль только, что Анне теперь ничего из сокровищ не останется. Видишь?

Комиссар показал Ортеге нужное место в документах, говорящее об этом удручающем факте.

– Этот мерзавец действительно имеет на них все права. Но в любом случае надо собрать всех вместе. Я поручу Бунимаре пригласить Сильвио и рыжего подсолнуха, а к донье Анне заеду сам. Здесь?

– Конечно, – сказал мэр. – Но только поздним вечером. А еще лучше следующим утром. У меня с этим чертовым парком дел...

– Не вопрос, – уступил комиссар. – Тем более Молине наверняка нужно время, чтобы во все вникнуть. Что, плохи наши дела?

Мэр сокрушенно покачал головой.

– Ты не представляешь, чего мне стоит удержать хотя бы тех инвесторов, что уже есть. Не говоря о привлечении новых. Если мы не начнем строить к концу года...

Друзья вышли в приемную, чтобы сообщить Родригесу и Агнешке о намеченном собрании.

Их, однако, на месте не было.

– Поищите дальше по коридору. По-моему, они в комнате для совещаний, – сказала Фернандес.

И добавила многозначительно:

– Только на вашем месте я бы сначала постучалась.

Через минуту взгляду Ортеги и Линареса предстал раскрасневшийся, снова прячущий глаза (но уже по другой причине) Родригес, на чьей шее отпечатался след губной помады, удивительным образом совпадающий с оттенком помады на губах польской танцовщицы.

Агнешка при этом взгляда не прятала. Наоборот, невинно хлопая ресницами, как само собой разумеющееся, она сообщила очередную, касающуюся сокровищ, новость:

– Мы богатство теперь вместе! Пожалуйста.

И обняла нервно запикивающего обратно в штаны свою расстегнутую до последней пуговицы рубашку Хосе.

– Что? – опешив, переспросил мэр.

– Мы подаем коллективный иск, – пояснил красный, как засахаренный гибискус, муниципальный рабочий. – Вместе. Так надежнее, мы решили.

– Вот, – показала наманикюренным пальцем соответствующую страницу в кодексе ушлая модель-танцовщица.

Глава 7. Собрание претендентов

Встречу назначили на шесть часов вечера в мэрии, как и предполагалось, с участием сеньора Адриана Молины – лучшего юриста города и личного друга комиссара и мэра.

Молина и Ортега пришли немного заранее. Исабель Фернандес, встречающая приглашенных в приемной, провожала гостей прямо к ним – в рабочий кабинет мэра.

Первым прибыл пунктуальный Макгиннел. Поздоровавшись, он скромно занял место на одном из стульев в дальнем углу кабинета.

За ним явился Сильвио Саласар. Он выглядел еще хуже, чем накануне. Сильвио без конца обмахивался шляпой, по его бледному бугристому лицу беспрерывно струился пот. Саласар занял место около графина с водой, откуда сразу же, не спрашивая разрешения, налил и выпил полный стакан воды.

Исабель Фернандес не только встречала гостей, позже она должна была вести протокол собрания, ну а сейчас любезно предлагала всем кофе.

– Привет, Фернандес! – поприветствовал ее Хосе Родригес явившийся вслед за Саласаром.

Остальным вместо приветствия от него достался лишь хмурый, полный подозрительности взгляд.

За Родригесом вошла Агнешка, дружелюбно помахавшая рукой всем сразу:

– Здравствовать!

Незнакомые с польской красоткой Саласар, Макгиннел и Молина уставились на нее во все глаза. На этот раз ее гардероб состоял из джинсовых мини-шорт и топика с открытыми плечами. Все это ей шло настолько, что даже Ортега втянул живот и засуетился, предлагая гостю удобное кресло вместо жесткого стула.

Фернандес тихонько фыркнула себе под нос по этому поводу и насмешливо покачала головой.

Агнешка уселась в кресле, скрестив свои умопомрачительно длинные ноги у всех на виду. Хосе ревниво окатил взглядом всех мужчин и встал позади нее.

Фернандес приготовила кофе всем, кроме отдавшего предпочтение воде Сильвио. До начала встречи оставались считанные минуты,

Тут у сеньора Молины зазвонил телефон и он, извинившись, вышел.

Вернулся он в сопровождении неизвестного никому мужчины. Средних лет, невзрачной внешности и телосложения, какого-то робкого и короткого внешнего вида.

Под вопросительными взглядами всех присутствующих Молина провел его внутрь кабинета и усадил на свободный стул.

– Дон Адриан? – спросил за всех Ортега.

– Позже я объясню, – успокоил юрист.

Последним явился Линарес, привезший с собой донью Анну. Под руку он провел ее в кабинет и усадил в еще одно, услужливо пододвинутое мэром, кресло для посетителей.

На неизвестного робкого мужчину комиссар отреагировал также с недоумением, вопросительно взглянув на Ортегу: «Это еще кто?». Тот в ответ пожал плечами и кивнул на юриста. Линаресу пришлось этим удовлетвориться.

– Итак, все в сборе? – начал встречу Молина. – Прежде всего прошу учесть, что наша встреча не является официальной в строгом понимании этого термина. Вы присутствуете здесь без своих юристов и адвокатов, мы просто пробуем достичь ясности в этом запутанном и сложном деле. На сокровища, найденные в доме сеньоры Моредо, целиком или на определенные его части, на данный момент претендуют...

Учитывая, с какой динамикой появлялись претенденты, формулировка «на данный момент» Линареса мрачно повеселила.

Молина начал перечисление:

– Сестра погибшего при столкновении с домом Анны Моредо Богуслава Пет... Богуслава Петр... тут сложная фамилия, простите... В общем, гражданка Польши, Агнешка... с такой же фамилией, как у брата.

– Петржак, – помогла Агнешка и еще раз помахала всем, словно представляясь аудитории в развлекательном шоу. – Бедный брат. Если не брат, никому денег нет. Бедный брат хорошо!

– Далее, – продолжил Молина, – рабочий муниципальной бригады по благоустройству городского пространства, сеньор Хосе Родригес, лично обнаруживший клад.

Кряжистый Родригес покраснел и кивнул. Взгляд его при этом остался напряженным и неприветливым – вероятно, так себя в его организме проявляли запасы твердости и решимости, с которыми он явился на эту встречу.

– Насколько я понял, сеньорита Петржак и сеньор Родригес подали кооперированное заявление? – уточнил юрист.

Агнешка обезоруживающе улыбнулась, а Хосе, покраснев еще больше, буркнул, выйдя из-за кресла на шаг:

– Так надежнее. Учитывая, какие тут ведутся игры, сеньор Ортега!

Агнешка, успокаивая компаньона, положила свою руку ему на бедро. Родригес мгновенно утих и вернулся на место – как хорошо выдрессированный пес.

Мужчины, все, как один, устали на руку Агнешки, лежащую на бедре Родригеса. Фернандес еле слышно прошептала: «Святая Мария... Мужики!..»

– Сеньор Саласар, – очнувшись, продолжил Молина и указал на обмахивающего себя шляпой и прикончившего уже половину графина Сильвио. – Утверждающий, что является наследником драгоценностей, ранее принадлежащих его семье. И предоставивший, в качестве доказательств этого утверждения, свои семейные фотографии.

Сильвио тяжело приподнялся и одарил собравшихся натянутой улыбкой скверного конферансье.

– Надеюсь, мы разберемся с этим делом быстро, – снисходительно сказал он. – Мне не улыбается полжизни проторчать в этом городишке.

Слова Саласара никому не понравились, но отвечать ему никто не стал.

– Перейдем к мистеру Магиннелу, – предложил Молина.

Рыжий Энтони Макгиннел поднялся со свойственной ему нескладностью.

– Утверждающему, – продолжил юрист, – что он приходится родственником сеньоре Моредо. Являясь сыном сеньора Раймона Руиса, с которым она сочеталась браком в 1959 году и с которым, технически, до сих пор находится в супружестве.

– Пусть дьявол воткнет ему трезубец в задницу, моему «техническому» мужу, – проворчала Анна. – С удовольствием бы сплюнула после упоминания его имени, да боюсь, попаду в кого-то, кто этого не заслуживает.

– Извините, – невольный промах сказал рыжий Энтони и сел на место.

– Сам сеньор Руис, – пояснил Молина, – по причине серьезных проблем со здоровьем присутствовать на встрече не может. Но присланные им доверительные бумаги, оформленные его юристами, делегируют все полномочия сеньору Макгиннелу. Я проверил.

Энтони вновь попросил у всех прощения – на этот раз без слов, виноватым взглядом.

Молина уважительно склонился в сторону Анны:

– И, конечно же, сама сеньора Моредо. Та самая, в чьем доме, предположительно, ее отцом сеньором Антонио Моредо, был спрятан этот баснословный клад.

– Чтобы он провалился обратно в преисподнюю, этот клад, – с чувством сказала старуха. – Сам сатана его вынес на поверхность, вместе с теми, кому самое место там, в пекле.

– Ну и наконец...

Молина подошел к невзрачному мужчине и положил ему руку на плечо.

– Позвольте вам представить еще одного претендента на долю сокровищ. Это житель Осуны, сеньор Хавьер Игнасио.

Робкий мужчина робко поднялся и робко поклонился.

– Что? Еще один? – комиссар не смог сдержать эмоций.

Макгиннел и Агнешка промолчали. Хосе Родригес чертыхнулся, а Анна Моредо расхохоталась.

– Он обратился ко мне сегодня утром, – пояснил Молина. – Я счел необходимым пригласить его на это собрание.

– И каким же это боком он претендует на наши деньги? – воскликнул Родригес, шевеля усами.

– «Наши»? – фыркнул Саласар.

Опередив адвоката, на вопрос Хосе ответила Анна:

– А, я поняла! Это тот малый, что купил у меня дом, если я правильно услышала фамилию. Верно?

– Точно так, – подтвердил Молина.

– Вот это новости! – сказал Ортега. – Вы продали дом?

– До того, как в него въехал этот польский пьяница, – ответила слепая.

– Богуслав, – уточнила Агнешка и ногтем мизинца сняла невидимую слезинку с подведенного черной тушью глаза.

– Ага, – ответила старуха. – Взяла задаток, с условием, что буду жить там, пока не отдам богу душу. Хотела перевести, что имею, в деньги – так удобнее для завещания. Адриан? Ты же сам мне это посоветовал.

– Совершенно верно, – подтвердил юрист. – И теперь сеньор Хавьер считает, что тоже имеет право на часть сокровищ, так как частично владеет собственностью, на территории которой они были обнаружены.

– Какая дичь! – воскликнул Сильвио.

– А не прогуляться бы ему лесом! – поддержал его Хосе.

– Успокойтесь! – призвал к порядку Линарес. – Мы для того и собрались, чтобы разобраться одним махом со всеми, – комиссар выделил «со всеми», – вопросами. Так что это даже хорошо, что вы тут, сеньор Игнасио. Полагаю у сеньора Молины, есть какое-то разумное предложение, учитывающее интересы каждого?

Молина с благодарностью приложил руку к сердцу:

– Очень на это надеюсь, Эстебан. Итак, – приступил адвокат к делу, – если говорить от имени закона, то он трактует понятие «клада» как...

Юрист взял в руки лист бумаги и зачитал с него заготовленную цитату:

– «...зарытые в землю или спрятанные другим способом деньги или иные ценности, собственник которых не может быть установлен, или же утратил на них право в силу закона».

– Как это не установлен! – взвился потный Сильвио. – Там сокровища моей семьи! Знает, он мой!

Но Молина к этому возражению был готов.

– Во-первых, мы можем говорить так только про одно кольцо. Во-вторых, ваша бабушка могла продать или подарить эти кольца кому-то. У вас же нет доказательств того, что эти украшения принадлежали ей до самого момента закладки клада, не так ли?

– Как это... Подождите! – лицо Сильвио покраснело. Он явно не предполагал, что юрист приведет подобный аргумент. – Я не согласен!..

– Простите, сеньор, – мягко остановил его Молина. – Позвольте мне продолжить. Я обещаю, что у каждого будет возможность высказаться.

Сильвио покипел еще с секунду и, послушавшись, сел на место.

Молина продолжил:

– «Найденный клад становится собственностью лица, которому принадлежит имущество, земельный участок, строение и тому подобное, того места, где клад был зарыт...».

– Это донья Анна, – сказал Линарес, и Молина ему кивнул.

Все претенденты заерзали – кроме слепой, хранившей суровую невозмутимость, да еще рыжего Макгиннела, наоборот добродушно улыбнувшегося, словно Молина сообщил, что клад достается ему.

Робкий мужчина поднял вверх указательный палец, пытаясь привлечь к себе внимание. Молина это заметил.

– В этом статусе на него претендует и сеньор Хавьер, – уточнил юрист. И, не дожидаясь пока Саласар и Родригес вновь начнут протестовать, продолжил: – «...а также собственностью лица, нашедшего клад».

– Вот! – победно воскликнул Хосе.

– Брат! Брат! – закивала за ним и Агнешка, захлопав в ладоши.

Адриан Молина жестом попросил их замолчать и продолжил цитату:

– «...и делится он на равные доли, если не было установлено иного соглашения».

– Половина моя! – воскликнули хором польская модель и рабочий управы

– И моя! – присоединился к ним снова с трудом поднявшийся Саласар.

– И еще половина донье Анне! – не удержался и полицейский инспектор.

Фернандес, ведущая протокол, едва успевала записывать.

– Подождите! – Молина потряс в воздухе бумагами. – При этом: «...если клад был найден кем-либо без согласия на это собственника земельного участка, где клад был зарыт, то клад передается собственнику». Ваш брат ведь не спрашивал позволения въехать в дом сеньоры Анны?

Агнешка, видимо, не поняла настолько длинной фразы, поскольку не ответила, улыбаясь.

– Но зато меня вызвала мэрия! – крикнул Хосе. – В случае со мной все по закону! И я получу свою половину! А вторую, ладно, донье Анне.

– Иди к черту, усатый клоп! – высокий Сильвио навис над крепышом Родригесом. – А как же я? Это сокровища моей семьи!

– Это не доказано! – ответил ему мгновенно набычившийся Хосе. – Я не дурак, я понял, что говорит адвокат!

– Брат! Бедный брат! – на всякий случай опять завела свою мантру полячка.

– Сеньоры! Сеньорита! Я прошу вас, успокойтесь! Не просить же мне вмешаться комиссара! – попросил адвокат и такое увещание подействовало.

Обиженные друг на друга претенденты, взяв себя в руки, расселись по местам.

Молина, тем не менее, улыбался. На встречу он пришел с готовым и, скорее всего, устраивающим большинство сторон решением.

– Как видите, до окончания спора нам довольно далеко, – приступил он к его изложению. – Тяжбы, которые можно себе представить по этому делу – а я могу, я юрист – могут длиться годами, если не десятилетиями. Поэтому, учитывая большую стоимость клада, которой, в принципе, достаточно, чтобы удовлетворить запросы не одного лица, а сразу нескольких, я бы предложил следующее. Поделить найденное примерно в таких пропорциях...

Все в кабинете превратились во внимание. Кроме клацанья клавиатуры, издаваемого ведущей протокол Фернандес, в помещение раздавался только голос Молины:

– Положенную за нахождение часть клада, которая, повторюсь, составляет весьма немалую сумму, отдать в равных долях сеньорите Петржак и сеньору Родригесу. А оставшуюся сумму разделить поровну между всеми остальными претендентами.

– Я согласен! – быстро сказал Сильвио. – Это ускорит процесс, а большего мне не надо.

– Если все так решат, я думаю, мы с отцом не будем спорить, – высказался Энтони Макгиннел.

– Сеньора Моредо?

– Делайте, что хотите! Мне неприятно все это обсуждать и во всем этом участвовать. Я доверяю тебе, Адриан. Если ты говоришь, что так справедливо, пусть так и будет.

Хосе Родригес, тем не менее, разволновался:

– А сколько это – наша часть?

Адвокат написал в углу листа сумму и показал ее рабочему и Агнешке Петржак.

– Это приблизительно, – пояснил юрист.

– Немало, – согласился Хосе. – Но сколько получают остальные?

– Больше, – уклончиво ответил адвокат.

– Бедный брат, – вздохнула Агнешка.

– Несет обманом, – мнительный усач сомневался. – Надо бы подумать.

– «Подумать!» – буркнул Саласар, выливая остатки графина в свой стакан. – Моя семья заплатила за это жизнями! Ты же просто пару раз махнул лопатой... Совесть спать по ночам позволит?

Родригес осклабился:

– Я шесть лет живу в соседней квартире с Исабель Фернандес – через тонюсенькую стенку от ее детской оравы. Так что не беспокойся – спать буду, как младенец!

Исабель перестала печатать и вставила свое слово:

– Подтверждаю. Его совесть не разбудит ничто, сеньор. Хосе, если еще раз надерешь уши моим младшим...

– Они устроили пляж на моей машине!..

– Исабель! Сеньор Родригес! – взмолился Молина. – Пожалуйста, ближе к делу. Вы согласны?

Хосе посмотрел на Агнешку, она неопределенно пожала плечами.

– Ладно, – принял решение рабочий. – Зато быстро и сразу.

Не выпуская из рук бумажку с написанной адвокатом цифрой, Хосе отошел на место.

– Стоп! Стоп! – закричал из своего угла Хавьер Игнасио, о котором все забыли. – А я?!

– Ой, точно, – с досадой вспомнил комиссар.

– С вами, сеньор, все просто, – ответил Молина. – Вы можете получить процент от общей суммы – пропорционально выплаченному вами задатку за дом. Если сеньора Моредо и все остальные не будут против, конечно.

– А если будут? – спросила Анна, но, похоже, из чистой вредности.

– Тогда нам предстоит очень и очень долгое судебное разбирательство. Как и в случае с любым несогласием любой из сторон, – ответил юрист честно.

Претенденты на клад переглянулись (кроме Анны Моредо, разумеется).

– Хрен с ним, – сказала слепая первой, и ее слова тут же, на разный лад, подхватили и все остальные.

Хавьер Игнасио благодарно перекрестился.

– Прекрасно! – Эстебан Линарес довольно потер руки и подмигнул мэру Ортеге. Ведущий юрист Санта-Моники не подкачал и справился со сложным и запутанным делом за рекордные сроки.

– Я подготовлю все необходимые бумаги как можно скорее, – пообещал Молина. – Сеньор Саласар, мистер Макгиннел, сеньорита Петржак, – обратился он к претендентам. – Я отправлю их в ваши отели.

Саласар и Макгиннел кивнули, а Агнешка возразила:

– Отель нет! Я не отель!

– Мне присылайте. Я передам, – опять покраснев, буркнул Родригес. – Я это... Кхм... Сдал ей комнату.

Фернандес, фиксируя сказанное в протоколе, снова фыркнула.

– Меньше денег, – пояснила Агнешка.

– И вообще – это не ваше дело! – подытожил Родригес.

– Как скажете, – Молина развел руки в стороны. – Сеньор Игнасио, вы получите ваши документы почтой, а вам, донья Анна, я завезу их лично. До следующей встречи, дамы и господа! Приятно было иметь с вами дело и так быстро во всем разобраться.

Гости поднялись со стульев и кресел, готовые покинуть кабинет.

– Одну минутку! – остановил их, вставая, Линарес. – К сожалению, мы так и не выяснили одну неприятную мелочь. А именно: что за мерзавец угрожал донье Анне?

Комиссар вышел на середину комнаты и достал из кармана пиджака бумаги.

– Дело в том, – произнес он, – что я сделал кое-какие запросы по некоторым из вас. И вот, что мне вчера прислали из Мадрида, сеньор Саласар.

Линарес повернулся к Сильвио.

– Что вам могли прислать? – ответил Сильвио, заметно при этом занервничав.

Он все еще обмахивал себя шляпой, раскрасневшийся и вспотевший, хотя в общем в кабинете было довольно комфортно – кондиционер с августовской жарой справлялся неплохо.

– Неделю назад, – произнес комиссар, буравя Саласара жестким «полицейским» взглядом, – вы были в Мадриде и подавали запрос в государственный исторический архив.

– Я? Что за чушь?

– Мне прислали копии сведений, которые вы получили. По убийству вашей семьи. Признаться, они меня шокировали. Если бы дело касалось моей семьи, мне бы тоже было трудно сдержаться от угроз тому, кого бы я считал виновным в случившемся.

На лице Анны отразилась тревога. Но и на физиономии Саласара тоже.

– Какие сведения, комиссар? Я ничего не знаю!

– Члены вашей семьи, – продолжил комиссар, – погибли при аресте мужа вашей тети – сестры вашей матери. Он являлся одним из главных лиц подполья – тех, кто так и не сдался режиму Франко. Вот эти бумаги. Они все погибли, оказав сопротивление патрулю жандармов, которые проводили в их доме обыск.

Комиссар повернулся к Анне Моредо и произнес с большим сожалением:

– В этот патруль входил и ваш отец, Анна.

– Это... Это неправда... – произнесла она растерянно.

– Увы, – ответил комиссар с искренним сочувствием. – Об этом говорят факты.

Сильвио налил очередной стакан воды (Фернандес успела выйти в коридор и заново наполнить графин из кулера) и выпил его залпом.

– Получается, что ее отец убил моих родственников и после этого обокрал их? – произнес он.

– Я ничего этого не знала, – сказала Анна. – И я не верю в это все равно. Это ошибка!

– Не волнуйтесь, – попробовал успокоить ее мэр Ортега. – Я уверен, вас лично никто не посмеет обвинить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.